

Научная статья
УДК 342.721; 343.126.1
DOI 10.33184/pravgos-2024.1.12

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;
e-mail: s.rossinskiy@gmail.com;
https://orcid.org/0000-0002-3862-3188

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: О «ПРИЗОВОМ» МЕСТЕ РОССИИ В «КОНКУРСЕ» НА САМЫЙ КОРОТКИЙ СРОК ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ БЕЗ РЕШЕНИЯ СУДА

PERSONAL INVIOABILITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ON RUSSIA'S «PRIZE» PLACE
IN THE «CONTEST» FOR THE SHORTEST PERIOD OF RESTRICTION OF LIBERTY WITHOUT
A COURT DECISION

Аннотация. Актуальность статьи связана с непригодностью для нужд правоприменительной практики предопределенного Конституцией РФ и отразившегося в нормах уголовно-процессуального закона темпорального лимита внесудебного ограничения свободы человека, что приводит к всевозможным ухищрениям и обходным путям, в том числе к хорошо замаскированным нарушениям установленных правил. Цель: выявление причин, предопределивших установление именно 48-часового срока внесудебного ограничения свободы лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Методы: общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.). Результаты: высказано предположение, что существующий темпоральный лимит внесудебного ограничения свободы обусловлен свойственными раннему периоду существования постсоветской России ложными правовыми установками и ориентирами, стремлением максимально соответствовать навязанным либеральным ценностям, а также наблюдаемыми в начале 1990-х годов спонтанностью и непродуманностью конституционно-правовой политики, ошибочностью целого ряда идей о дальнейшем развитии общества и государства. В этой связи предлагается сосредоточиться на поисках путей выхода из сложившейся ситуации посредством внесения коррективов в федеральное, в первую очередь уголовно-процессуальное, законодательство.

Ключевые слова: внесудебное ограничение свободы, задержание подозреваемого, заключение под стражу, меры принуждения, подозреваемый, права и свободы человека и гражданина, принцип неприкосновенности личности, срок задержания

Abstract. The relevance of the article is related to the unsuitability of the temporal limit of extrajudicial restriction of human freedom for the needs of the law enforcement practice predefined by the Constitution of the Russian Federation and reflected in the norms of criminal procedure law, which leads to all sorts of tricks and detours, including well-disguised violations of established rules. Purpose: to identify the reasons that predetermined the establishment of this 48-hour period of extrajudicial restriction of liberty of suspected offenders. Methods: general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.). Results: it is suggested that the current temporal limit of extrajudicial restriction of liberty is due to legal misconceptions and misrepresentations inherent in the early period of post-Soviet Russia, as well as the desire to conform as much as possible to imposed liberal values. It is also due to spontaneous and ill-conceived constitutional and legal policy in the early 1990s, the fallacy of a number of ideas about the further development of society and the state. It is therefore suggested that the focus should be on finding a way out of this situation by making adjustments primarily to the federal criminal procedure legislation.

Keywords: extrajudicial restriction of liberty, detention of a suspect, remand in custody, coercive measures, suspect, human and civil rights and freedoms, principle of personal inviolability, period of detention

Для цитирования: Россинский С.Б. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве: о «призовом» месте России в «конкурсе» на самый короткий срок ограничения свободы без решения суда / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2024.1.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 97–105

For citation: Rossinsky S.B. Personal inviolability in criminal proceedings: on Russia's «prize» place in the «contest» for the shortest period of restriction of liberty without a court decision. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 97–105 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.1.12.

ВВЕДЕНИЕ

Неприкосновенность личности – один из важнейших принципов уголовного судопроизводства. Предусмотренный ст. 22 Конституции РФ, отразившийся в ст. 10 и ряде других положений УПК РФ этот принцип представляет собой существенную правовую гарантию защиты попавшего в зону внимания правоохранительных органов и рискующего быть подверженным уголовному преследованию лица – является неким юридическим амортизатором, обеспечивающим разумный баланс публичных полномочий государства и частных интересов оказавшегося под подозрением в причастности к запрещенному законом деянию либо прямо обвиненного в совершении определенного преступления индивида. Объективная потребность в подобной гарантии обуславливается самой сущностью, самым характером уголовно-процессуальной деятельности современного типа, с одной стороны, направленной на обеспечение возможности реализации уголовного закона, в том числе посредством надлежащего использования находящихся в распоряжении субъектов уголовного преследования правоограничительных инструментов, а с другой – основанной на непреложном приоритете конституционно-правовых ценностей.

Принцип неприкосновенности личности предполагает достаточно непродолжительной темпоральный лимит принудительного лишения свободы без решения суда, в первую очередь при задержании человека по подозрению в совершении преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 10 УПК РФ такой лимит ограничивается всего 48 часами¹. Этот пресловутый

срок известен каждому ученому-правоведу, практическому работнику, студенту юридического вуза, лишь приступающему к освоению премудростей будущей профессии, да и вообще любому человеку, имеющему даже самое отдаленное представление о механизмах уголовного судопроизводства в целом и правилах работы с задержанными в частности.

В этой связи несколько странным и не вполне понятным представляется отсутствие какого-либо внимания к указанному сроку со стороны научного сообщества – как представителей конституционно-правовой доктрины, так и ученых-процессуалистов. Причем особое недоумение данный нюанс вызывает ввиду очевидной каждому общей актуальности проблематики прав и свобод личности, то есть на фоне свойственного постсоветскому периоду развития юридической науки нескрываемого повышенного интереса к подобным вопросам. В многочисленных публикациях (монографиях, диссертациях, статьях и пр.) установленный ч. 1 ст. 10 УПК РФ срок внесудебного ограничения свободы обычно позиционируется как неоспоримая данность, как само собой разумеющийся правовой постулат, то есть попросту констатируется факт его существования [1, с. 63–64; 2, с. 117–123; 3, с. 71 и др.], мол, так решено населением Российской Федерации в ходе проведенного 12 декабря 1993 г. всенародного голосования, и точка!

На первый взгляд, здесь нет ничего удивительного. С конституционной предопределенностью срока задержания действительно не поспоришь: именно в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ на самом концептуальном уровне закреплен 48-часовой лимит любых внесудебных ограничений свободы в любых сферах правового регулирования. К тому же принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве вроде бы уже настолько исследован-переисследован вдоль и поперек, настолько рассмотрен-перерассмотрен со всех сторон, что сама возможность возникновения каких-либо сомнений в правильности вытекающих из его смысла запретов и предписаний должна казаться маловероятной.

¹ Следует обратить внимание на то, что в июле 2023 г. УПК РФ пополнился специальной нормой, рассчитанной на военное положение и позволяющей органам предварительного расследования задерживать подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений на 30 суток. Внесение таких, к слову, вполне ожидаемых дополнений в уголовно-процессуальное законодательство напрямую связано с проводимой специальной военной операцией и нахождением ряда российских территорий в тех самых условиях военного положения. В этой связи какие-либо обсуждения допустимости и целесообразности подобного правотворческого шага на сегодняшний день видятся не вполне своевременными, по крайней мере, не охватываются замыслом настоящей статьи.

Однако стремление к более детальному и обстоятельному осмыслению некогда установленного срока задержания заставляет усомниться в подобных оценках. Позиции авторов, отстаивающих неоспоримость данного срока, начинают представляться если не ошибочными, то, по крайней мере, весьма поверхностными, обусловленными нежеланием либо неумением глубоко погружаться в научную проблематику или, что еще хуже, банальной неспособностью к уразумению потребности в таком погружении. Тогда как на самом деле вопрос о причинах возникновения 48-часового внесудебного ограничения свободы остается открытым, продолжающим вызывать недоумение в юридическом мире, в первую очередь у сотрудников органов дознания и предварительного следствия, сильно стесненных установленными ч. 1 ст. 10 УПК РФ временными рамками. Намерение выявить такие причины побудило к проведению небольшого научного исследования, по результатам которого и была подготовлена настоящая статья.

О НЕДОСТАТОЧНОСТИ СРОКА ЗАДЕРЖАНИЯ ДЛЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЛЕДСТВЕННОЙ (ДОЗНАВАТЕЛЬСКОЙ) ПРАКТИКИ

Освещение ставших предметом настоящей статьи проблем хотелось бы начать с констатации практически абсолютной непригодности установленного законом 48-часового срока внесудебного задержания для решения связанных с ним правоприменительных задач, его явной неадекватности к надлежащему выполнению следователями (дознателями) всех необходимых формальностей, требуемых для инициирования и избрания в отношении соответствующих лиц вполне ожидаемых во всех подобных ситуациях мер пресечения арестантского характера. К тому же ввиду объективных потерь драгоценных часов и даже минут, расходуемых на доставление задержанных, и 8-часового темпорального резерва, предусмотрительно оставляемого законодателем для проведения самих судебных заседаний (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), в фактическом распоряжении следователей (дознателей) зачастую остается немногим более суток, а иногда и того меньше. В таких случаях ни о каких полноценно проводимых первоначальных

этапах расследования говорить, конечно, не приходится – успеть бы выполнить минимальный объем самых безотлагательных следственных действий, накидать на скорую руку заветное обвинение, предъявить его в установленном порядке и направить необходимые материалы в суд. И это при задержании лишь одного подозреваемого. А если их двое, трое, четверо и т. д.? [4, с. 33].

Конечно, для преодоления возникающих трудностей существует специальная норма, уполномочивающая следователей и даже дознавателей превентивно избирать меры уголовно-процессуального пресечения, в первую очередь заключение под стражу, прямо в отношении подозреваемых. Такой алгоритм установлен ст. 100 УПК РФ (в части дознания – ст. 224 УПК РФ), а ранее предусматривался ст. 90 УПК РСФСР 1960 г. Вместе с тем подобное дозволение определено как допускаемое только в исключительных случаях. По смыслу закона использование данного потенциала приемлемо лишь в явно выходящих за пределы «следственной обыденности» ситуациях, например, связанных с объективной невозможностью срочного проведения самых безотлагательных следственных действий, одновременным задержанием сразу нескольких подозреваемых и прочими нестандартными обстоятельствами. Поэтому, как справедливо отмечается в научных публикациях, указанное исключение лишь подтверждает общее правило: в тривиальных случаях мера уголовно-процессуального пресечения, в частности арест либо домашний арест, может избираться лишь после выдвижения в отношении лица официального обвинения [5, с. 536–537]. Сформулировать и предъявить такое обвинение в рамках предусмотренного законом лимита задержания весьма и весьма затруднительно, в связи с чем правоприменительная практика просто изобилует всевозможными ухищрениями и обходными путями, как правило, сводящимися к банальным, но зачатую хорошо замаскированным нарушениям установленных правил.

Конечно, истоки указанных затруднений надо искать не в сфере уголовно-процессуального регулирования. Ведь, устанавливая столь сжатые сроки внесудебного ограничения свободы человека, разработчики УПК были бук-

важно скованы по рукам и ногам соответствующим положением Конституции РФ. Поэтому высказывать в их адрес какие-либо претензии в непродуманности принципа неприкосновенности личности в целом и конкретных правил его реализации в частности не совсем разумно и корректно. Хотя для справедливости все же стоит обратить внимание на не вполне удачное содержание ряда положений уголовно-процессуального права. Например, на несуразности, выраженные в отнесении полномочий по задержанию подозреваемых к ведению следователей, в установлении приоритетности избрания мер пресечения именно в отношении обвиняемых и т. д. При более приемлемом для правоприменительной практики правовом регулировании predeterminedенные Конституцией РФ проблемы были бы частично нивелированы, не столь заметны, по крайней мере, не приводили бы к таким серьезным затруднениям. Но это всего лишь детали, тогда как основное бремя ответственности за 48-часовой лимит внесудебного ограничения свободы, безусловно, ложится на авторов Конституции РФ.

О НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СРОКОВ Внесудебного ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Для большей глубины проводимого исследования и убедительности предполагаемых выводов представляется полезным, воспользовавшись методом сравнительного правоведения, сопоставить положения российского законодательства о сроках внесудебного ограничения свободы по уголовному делу с аналогичными положениями законодательства других постсоветских государств, имеющих пока еще достаточно схожие правовые системы.

Так, конституционные нормы целого ряда бывших союзных республик: Беларуси, Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и др. – подобных сроков вообще не устанавливают, как бы спуская указанные вопросы на уровень отраслевого, в первую очередь уголовно-процессуального, нормативного регулирования. При этом

уголовно-процессуальные кодексы данных стран, будучи свободными от жестких конституционных рамок, регламентируют более длительные сроки задержания подозреваемых (обвиняемых). Например, в соответствии с ч. 5 ст. 128 УПК Республики Казахстан такая мера принуждения не может применяться более 72 часов с момента фактического захвата лица. Алогичные правовые конструкции встречаются и в некоторых других постсоветских государствах, в частности на Украине и в странах Прибалтики. Правда, у автора настоящей статьи в силу понятных причин нет особого желания подробно анализировать существующие там порядки.

Таджикская система досудебного производства предполагает дифференциацию сроков задержания взрослых и несовершеннолетних подозреваемых. В соответствии с ч. 3 ст. 92 УПК Республики Таджикистан применение данного правоограничительного механизма в общем порядке лимитируется 72 часами, а в отношении несовершеннолетних – 48 часами.

Азербайджанский законодатель занимает более «правозащитную» позицию. Согласно ст. 148.6–148.7 УПК Азербайджанской Республики предельный лимит внесудебного ограничения свободы подозреваемого, как и в России, не может превышать 48 часов, а в случаях одновременного задержания большого количества лиц, заподозренных в совершении определенных преступлений, следователям и прокурорам предоставляется право ходатайствовать о продлении данного срока еще на 48 часов, но уже в судебном порядке.

Наиболее «антилиберальные» режимы установлены гл. 12 УПК Республики Беларусь и ст. 144 УПК Туркменистана. В этих странах сохранены советские правила, предусматривающие 72-часовой срок задержания подозреваемого (обвиняемого) и последующую процедуру прокурорского санкционирования его заключения под стражу.

Другие государства, напротив, как бы солидаризируясь с Россией, определили сроки внесудебного ограничения свободы человека прямо на конституционном уровне. Причем некоторые из них тоже ограничились 48-часовым лимитом использования соответствующих принудительных механизмов. Например, данный срок предусматривается ч. 3 ст. 27

Конституции Республики Узбекистан, аналогичное по смыслу предписание вытекает из ч. 4 ст. 59 Конституции Кыргызской Республики.

Более длительные сроки установлены в Грузии, Армении и Молдове. Так, согласно ч. 3. ст. 18 Конституции Грузии задержанному (иным способом ограниченному в свободе) лицу гарантируется право в течение 48 часов лишь предстать перед судом, тогда как на само рассмотрение вопроса о его дальнейшем аресте (ином ограничении свободы) полагается еще 24 часа, в противном случае человек подлежит немедленному освобождению. Часть 4 ст. 27 Конституции Республики Армения устанавливает 72-часовой темпоральный лимит, в течение которого суду предписывается в условиях соблюдения разумного срока вынести решение о дальнейшем содержании предварительно задержанного лица в заключении или о его немедленном освобождении. А ч. 3 ст. 25 Конституции Республики Молдова просто содержит лаконичный запрет на превышение 72-часового срока задержания.

Неудивительно, что установленные конституциями всех указанных государств максимальные временные рамки внесудебного ограничения свободы четко отражаются в соответствующих уголовно-процессуальных кодексах. Хотя до недавнего времени армянская правовая система предполагала некоторое исключение: несмотря на существующее с 2005 г. конституционное предписание об ограниченности нахождения задержанного под стражей без судебного решения 72 часами, положения действовавшего по 30 июня 2022 г. «старого» УПК Республики Армения (ч. 2 ст. 129) позволяли применять такую меру принуждения в течение 96 часов. И лишь вступивший в силу с 1 июля 2022 г. «новый» УПК Республики Армения устранил данный недостаток: в соответствии с ч. 8 ст. 109 Кодекса срок задержания тоже стал ограничиваться 72 часами. К слову, нечто подобное когда-то наблюдалось и в российской системе уголовно-процессуального регулирования: вопреки предписаниям ч. 2 ст. 22 Конституции РФ нормы ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 г. (ч. 3 ст. 122) фактически устанавливали 72-часовой срок задержания (24 часа отводилось на извещение прокурора о произведенном задержании и еще 48 часов – на прокурорское санкционирование/отказ в санкционировании ареста).

В любом случае, из сказанного становится очевидным, что в стремлении к неким право-защитным идеалам и либеральным ценностям Россия в этой части явно обогнала практически всех своих соседей, наряду с Узбекистаном и Киргизией заняла одно из «призовых» мест в «конкурсе» на самый короткий срок ограничения свободы без решения суда. Ведь только в этих странах на конституционном уровне установлены самые мягкие и благоприятные для задерживаемых лиц темпоральные лимиты предварительного содержания под стражей, тогда как другие постсоветские государства предусмотрительно заняли гораздо более осторожные, разумные и взвешенные позиции.

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ 48-ЧАСОВОГО СРОКА ВНЕСУДЕБНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Откуда же в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ взялись эти пресловутые 48 часов? Ведь никакими конвенциями, договорами и прочими международно-правовыми документами конкретные сроки внесудебного ограничения свободы не предусмотрены.

Конечно, о намерениях авторов Конституции РФ «подогнать» эти временные рамки под полное количество астрономических суток догадаться несложно; вряд ли следовало ожидать появления, например, 47-часового, 49-часового и тому подобных неполносуточных сроков. Но все-таки почему именно 48? Почему, например, не 96 и тем более не 72, как это было установлено в еще действующем на тот момент УПК РСФСР 1960 г.?

Увы, но ни в одной из проанализированных публикаций по конституционному праву внятное объяснение такого срока, тем более четкое доктринальное обоснование подобного правотворческого решения обнаружить не удалось. Ответ на данный вопрос можно сформулировать лишь в предположительной форме, исходя из достаточно отрывочных сведений об обстоятельствах работы над проектом Конституции РФ.

Так, доподлинно известно, что на момент «открытия» знаменитого Конституционного совещания, то есть в конце апреля – начале мая 1993 г., параллельно существовали два конкурирующих проекта будущего Основного зако-

на страны: 1) «президентский» – оперативно подготовленный группой соратников Б.Н. Ельцина [6, с. 11–66]; 2) «парламентский» – разрабатываемый начиная с 1990 г. образованной на I Съезде народных депутатов РСФСР специальной Конституционной комиссией, которая на момент начала работы Совещания фактически контролировалась оппозиционным Верховным Советом РСФСР во главе с Р.И. Хасбулатовым [6, с. 495–557]. Причем положение о 48-часовом темпоральном лимите внесудебного ограничения свободы сохранилось именно в «парламентском» проекте – в ч. 2 ст. 21 документа гарантировалось, что «Ограничение свободы, включая арест, допускается исключительно по судебному решению». Одновременно указывалось, что «До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». И наконец, говорилось, что «Законность задержания проверяется в судебном порядке». Тогда как ч. 1 ст. 12 «президентского» проекта, наоборот, включала гораздо более неопределенную норму, устанавливающую, что «каждый имеет право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу и безопасность».

В условиях нарастающего на тот момент политического кризиса, обусловленного известным противостоянием законодательной и подконтрольной Президенту РФ исполнительной ветвей власти, учитывая отсутствие достаточного времени, необходимого для продолжения дальнейших споров и дебатов по проекту Основного закона, сторонники Б.Н. Ельцина постарались склонить своих оппонентов к достаточно рискованному, но тем не менее предполагающему хоть какой-то реальный выход из возникшего тупика компромиссу. Была достигнута договоренность о банальном разделе сфер правотворческого влияния противоборствующих политических сил: для формирования одних глав будущей Конституции РФ решили использовать соответствующие части «президентского» проекта, для других – «парламентского». Причем пресловутые нормы о правах и свободах человека и гражданина фактически были отданы на откуп парламентской «партии», тем самым представители президентского блока постарались максимально выторговать для себя правотворческие привилегии в части

формирования положений о государственном устройстве, системе и взаимоотношениях органов власти, механизмах сдержек и противовесов, то есть получить преимущества по наиболее болезненным аспектам противостояния с Верховным Советом РСФСР. К тому же, по признанию подавляющего большинства членов Конституционного совещания, включая самого Б.Н. Ельцина, в вопросах регулирования прав и свобод человека и гражданина «парламентский» проект оказался гораздо более удачным и проработанным [7, с. 35–60].

В итоге 12 июля 1993 г. Конституционному совещанию был представлен очередной компромиссный проект Основного закона [8, с. 140–176]. В ч. 2 ст. 22 документа указывалось, что «Арест и содержание под стражей допускаются только по судебному решению». Одновременно устанавливалось, что «До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Именно эти формулировки с учетом небольших редакционных коррективов в конце концов и нашли отражение в принятой 12 декабря 1993 г. Конституции РФ, а через восемь лет были имплементированы в содержание уголовно-процессуального принципа неприкосновенности личности.

Но откуда же взялся этот злополучный 48-часовой срок внесудебного задержания в «парламентском» проекте Конституции РФ? Намереваясь во чтобы то ни стало получить ответ на данный вопрос, автор настоящей статьи постарался внимательно изучить и проанализировать имеющиеся, по крайней мере, находящиеся в открытом доступе архивные материалы работы созданной тремя годами ранее Конституционной комиссии, благо все эти документы в свое время были опубликованы, поэтому их поиск не составил особого труда.

Проведенные историко-правовые изыскания привели к весьма интересным результатам. Как удалось выяснить, периодически вносимые на рассмотрение Конституционной комиссии вплоть до конца 1991 г. проекты новой Конституции России (в ту пору еще РСФСР) почему-то вообще не предполагали возможности внесудебного ограничения свободы человека [9, с. 70, 284 и др.]. В частности, в последнем из них – от 24 октября 1991 г. – указывалось, что «Арест и другие формы ли-

шения свободы допускаются исключительно на основании решения суда» [9, с. 569]. К слову, схожее по содержанию положение имеется и в принятой месяцем позже российской Декларации прав и свобод человека и гражданина (от 22 ноября 1991 г. № 1920-1). Создается впечатление, что движимые благими идеями либерализма, стремясь окончательно покончить с «тоталитарным» советским прошлым, авторы предлагаемых проектов толком не осознавали либо не желали осознавать реальные механизмы задержания, наивно рассчитывали, что судьи, образно говоря, сами станут патрулировать улицы, сидеть в засадах, бегать с пистолетами за предполагаемыми преступниками, надевать на них наручники и т. п., то есть смогут принимать свои заветные решения прямо в местах фактических захватов подозреваемых (обвиняемых). Вполне вероятной видится и более опасная версия. Она состоит в том, что включившиеся в конце 1980-х годов в политическую деятельность и допущенные к участию в работе над проектом новой Конституции РФ бывшие активисты диссидентского движения преднамеренно планировали лишить правоохранительные органы каких-либо полномочий по осуществлению фактических задержаний и тому подобным правоограничительным приемам.

В ч. 2 ст. 21 возникшего несколько позже – 2 марта 1992 г. – очередного проекта Конституции РФ указанное положение претерпело существенные изменения. Авторы его неожиданно опомнились от прежних заблуждений и прямо предусмотрели возможность досудебного задержания лица, но не более чем на 48-часовой срок [10, с. 85].

Подлинные причины возникновения указанной поправки установить так и не удалось. Однако вполне вероятно, что поводом к ее появлению стали «экспертные» замечания на проект Конституции РФ, поступившие от одной из существовавших в то время политических сил – Конституционно-демократической партии России (Партии Народной Свободы). В представленном на рассмотрение Конституционной комиссии документе обращалось особое внимание на потребность дополнения положений о неприкосновенности личности нормой, легализующей превентивный «полицейский арест», то есть предоставляющей

правоохранительным органам право «задержания и ареста в случае взятия с поличным на месте преступления» [9, с. 70]. Иными словами, среди множества участвующих в работе над проектом Конституции РФ политических деятелей все-таки нашлись грамотные люди, понимавшие абсурдность и практическую невыполнимость абсолютного запрета на внесудебное ограничение свободы индивида.

Но кто, когда и почему предложил установить именно 48-часовой лимит применения такой принудительной меры, остается неизвестным. В материалах Конституционной комиссии сведений, проливающих свет на эту тайну, обнаружить не удалось; не представилось возможным выявить какие-либо иные официальные «следы» такого правотворческого решения. Если они когда-то и существовали, то за более чем 30 прошедших лет были безвозвратно утеряны.

Конечно, автору настоящей статьи очень хотелось бы поделиться с читателями рядом сведений, полученных по этому поводу из неофициальных источников, в первую очередь из устных бесед с некоторыми свидетелями описываемых событий – дожившими до наших дней участниками работы Конституционной комиссии. В частности, было поведано, что пресловутый 48-часовой срок задержания определялся буквально «на коленке» во время дружеского чаепития у одного из высокопоставленных политических деятелей, что изначально вообще планировалось ограничить данный срок 36 часами, но кто-то из присутствующих навскидку скептически заявил, что, мол, 36 – слишком мало. Однако все эти воспоминания ничем не подтверждены и вряд ли могут быть приняты во внимание для решения задач серьезного научного исследования. В этой связи остается лишь довольствоваться выдвиганием очередных гипотез.

Наиболее приемлемым видится предположение, объясняющее столь малый срок внесудебного ограничения свободы личности желанием разработчиков проекта Конституции РФ доказать всему миру, в первую очередь западным партнерам, стремление новой российской власти к заботе о правах личности, к их возведению на недостижимый пьедестал. По всей видимости, пресловутый 48-часовой срок внесудебного задержания – это очередная кра-

сивая картинка, с помощью которой планировалось набрать дополнительные очки для принятия России в сообщество цивилизованных стран, в том числе для вхождения в Совет Европы, другие международные организации и закрытые политические «клубы». Причем в этой части российские демократы начала 1990-х годов стали первыми «учениками» западных «гугу» и явно опередили в своих стараниях большинство других постсоветских стран.

Состоятельность такой гипотезы подтверждается фактом направления уже вступившей в силу Конституции РФ для проведения экспертизы на предмет соответствия либеральным ценностям в специальную Венецианскую комиссию Совета Европы – так называемую Европейскую комиссию за демократию через право [11, с. 81–100]. При этом ч. 2 ст. 22 Конституции РФ получила достаточно высокую оценку. Однако все же было указано о предпочтительности замены четко установленного срока ограничения свободы без судебного решения внедрением механизмов habeas corpus, то есть системы имеющих англосаксонское происхождение юридических гарантий, связанных с возможностью каждого человека настаивать на незамедлительной судебной проверке правомерности превентивного «полицейского ареста» в условиях возложения на правоохранительные органы бремени доказывания законности проведенного задержания.

Выводы

Существующий срок внесудебного ограничения свободы человека, подозреваемого в совершении преступления, можно объяснить лишь свойственными раннему периоду существования постсоветской России ложными правовыми установками и ориентирами, стремлением максимально соответствовать навязанным извне либеральным ценностям, а также наблюдаемыми в начале 1990-х годов

спонтанностью и непродуманностью конституционно-правовой политики, ошибочностью целого ряда вынесенных на всенародное голосование концептуальных принципов дальнейшего развития общества и государства. Именно эти причины и лежат в основе не совсем верных представлений о принципе неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, чем обуславливают серьезные трудности, возникающие в правоприменительной деятельности органов дознания и предварительного следствия.

К сожалению, исправление некогда допущенных конституционно-правовых просчетов – задача практически невыполнимая, ведь для положений гл. 2 Конституции РФ установлен режим абсолютной правовой стабильности – все включенные в нее нормы неизблемы и подлежат изменению лишь посредством принятия нового Основного закона государства. Вряд ли такой незначительный повод способен предопределить потребность в проведении столь кардинальных реформ правовых основ российской государственности. К тому же, несмотря на множество других гораздо более серьезных, даже концептуальных конституционно-правовых изъянов и недочетов, государство, напротив, всеми силами стремится к сохранению действующей Конституции РФ, что в очередной раз подтвердила известная реформа 2020 г.

Гораздо разумнее сосредоточиться на поисках более прагматичных путей выхода из сложившейся ситуации посредством внесения ряда коррективов в федеральное, в первую очередь уголовно-процессуальное, законодательство, тем более что в настоящее время такие пути вполне реальны и могут привести если не к полному устранению существующих проблем, то, по крайней мере, к сглаживанию практических трудностей, возникающих в ходе реализации принципа неприкосновенности личности в досудебном производстве по уголовному делу.

Список источников

1. Кругликов А.П. Принципы уголовного процесса Российской Федерации / А.П. Кругликов, И.С. Дикарев, И.А. Бирюкова ; под ред. А.П. Кругликова. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2007. – 191 с.

REFERENCES

1. Kruglikov A.P., Dikarev I.S., Biryukova I.A.; Kruglikov A.P. (ed.). Principles of the criminal procedure of the Russian Federation. Volgograd State University Publ., 2007. 191 p.

2. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного процесса / Ю.К. Якимович. – Томск : Томский государственный университет, 2015. – 166 с.

3. Челохсаев О.З. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.З. Челохсаев. – Москва, 2017. – 158 с.

4. Россинский С.Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 30–36.

5. Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1276 с.

6. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая, Ю.Ф. Ярова, А.А. Собчака, В.Ф. Шумейко. – Москва : Юрид. лит., 1995. – Т. 1. – 559 с.

7. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – Т. 4, ч. 2. 1004 с.

8. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – Т. 4, ч. 3. – 1019 с.

9. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О. Г. Румянцева. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – Т. 2. – 1120 с.

10. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О. Г. Румянцева. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – Т. 3. – 1112 с.

11. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая, Ю.Ф. Ярова, А.А. Собчака, В.Ф. Шумейко. Т. Справочный. – Москва : Юридическая литература, 1996. – 102 с.

2. Yakimovich Yu.K. Concept, purpose, differentiation of criminal procedure. Principles of criminal procedure. Tomsk State University Publ., 2015. 166 p.

3. Chelokhsaev O.Z. The principle of protecting human and civil rights and freedoms and its implementation in criminal proceedings. Cand. Diss. Moscow, 2017. 158 p.

4. Rossinsky S.B. The legal conditions for the criminal procedural preventive measures lead to a hasty and unfounded criminal charge. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 5, pp. 30–36. (In Russian).

5. Golovko L.V. (ed.). Course in criminal proceedings. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.

6. Filatov S.A., Chernomyrdin V.S., Shakhray S.M., Yarov Yu.F., Sobchak A.A., Shumeiko V.F. (eds.). Constitutional conference. Transcripts. Materials. Documents. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1995. Vol. 1. 559 p.

7. Rumyantsev O.G. (ed.). From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993). Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2008. Vol. 4. Pt. 2. 1004 p.

8. Rumyantsev O.G. (ed.). From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993). Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2008. Vol. 4. Pt. 3. 1019 p.

9. Rumyantsev O.G. (ed.). From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993). Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2008. Vol. 2. 1120 p.

10. Rumyantsev O.G. (ed.). From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993). Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2008. Vol. 3. 1112 p.

11. Filatov S.A., Chernomyrdin V.S., Shakhray S.M., Yarov Yu.F., Sobchak A.A., Shumeiko V.F. (eds.). Constitutional conference. Transcripts. Materials. Documents. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1996. Vol. Reference. 102 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology.

Статья поступила в редакцию 14.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 26.01.2024. The article was submitted 14.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 26.01.2024.